

А. Д. Некипелов¹

ЭКОНОМИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Последнее десятилетие XX — начало XXI века прошли под знаком неолиберальной глобализации. Новая ступень научно-технологического прогресса привела к кардинальному усилению хозяйственной взаимозависимости государств мира благодаря быстрому развитию международной торговли, резко возросшей транснациональной мобильности финансовых ресурсов и рабочей силы. Процессы интернационализации происходили в этот период в условиях, когда рыночная экономика стала универсальной формой организации хозяйственной жизни и их важнейшей стороной было последовательное снятие барьеров, ограничивавших непосредственное взаимодействие экономических агентов из разных стран во всех сферах деятельности.

Тенденция к формированию на планете все более однородной рыночной среды получила многообразные проявления, и именно она, как представляется, определила качественную специфику этого этапа интернационализации мирового хозяйства. Быстро прогрессировал процесс отказа от административных и экономических (прежде всего тарифных) ограничений, стоявших на пути международной торговли, произошла полномасштабная финансовая либерализация. В валютной сфере незыблемым оставалось положение доллара США, а либерализация проявилась в переходе большинства стран к режиму свободно формируемого курса национальных валют. Быстро создавались единые стандарты макроэкономической политики. Ее монетарная

¹ Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от „робинзонады“ до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» и др.; статей: «Макроэкономическая политика в условиях глобализации: опыт современной России», «О природе современных глобальных процессов: размышления экономиста» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

составляющая в большинстве стран была подчинена задаче минимизации уровня инфляции, а финансовая — ограничения жесткими рамками дефицита государственного бюджета. Глобализация рыночной экономики проявилась и в быстром развитии транснациональных производственных структур, в рамках которых возникали разветвленные цепочки создания стоимости, связывавшие в единое целое производителей разных стран. Получившие развитие в разных частях мира региональные интеграционные процессы рассматривались в этом контексте как форма укрупнения структуры мирового хозяйства в ходе его глобализации.

Все эти тенденции сопровождались ощутимым ослаблением экономических позиций национальных государств, передачей их функций на уровень меж- и транснациональных организаций. Все чаще в общественно-политическом дискурсе высказывалась идея создания в будущем единого мирового правительства.

Конечно, и в этих условиях была очевидной ключевая роль, которую в процессе глобализации играли США и их союзники. Однако формировалось представление, что интересы ведущих государств, по сути, совпадают с интересами мирового сообщества, поскольку их реализация содействует быстрому распространению современных производственных технологий и прогрессивных форм организации и менеджмента. Эти представления подкреплялись тем, что в ходе глобализации транснациональные компании, чьи штаб-квартиры в большинстве своем находились в развитых государствах, в массовом порядке переносили свои производственные звенья в развивающиеся страны.

Следствием процесса глобализации стали существенные перемены в специализации разных групп государств. Экономика США и многих их союзников превратилась в сервисную: основная, а в Соединенных Штатах — подавляющая доля валового внутреннего продукта этих стран стала создаваться за счет предоставления услуг. Среди этих услуг, разумеется, ведущее место

занимает высокоинтеллектуальная часть реального сектора экономики² — научно-технологические, информационно-коммуникационные, образовательные, медицинские, транспортные, строительные услуги. Но заметную роль в экономической структуре играют такие системные виды деятельности, как финансовые услуги. В последние десятилетия XX века развитие рынков ценных бумаг, разработка изоциренных операций с финансовыми активами, основанных на сложных математических конструкциях, превратили финансовое посредничество в очень прибыльный вид деятельности. Предоставление этих услуг на глобальном уровне сконцентрировалось в ограниченном числе финансовых центров, большая часть которых либо расположены в ведущих странах, либо контролируются ими.

Снятие ограничений с транснациональных сделок не происходило (и не могло происходить) по заранее согласованному всеми странами порядку. Поэтому ослабление экономических позиций национальных государств в период неолиберальной глобализации не носило характера неотвратимого закона, в одинаковой мере затрагивавшего всех. Наиболее успешные из развивающихся стран (среди них следует прежде всего отметить КНР), активно используя возможности глобализации, тщательно дозировали свои решения по либерализации хозяйственной деятельности в соответствии с национальными стратегическими целями. Это означает, что и в период относительно благоприятного хода процесса глобализации сохранялся (а отчасти и развивался) потенциал межгосударственных противоречий.

Представляется, что переломным моментом стал мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 годов. Глобальная катастрофа, произошедшая в результате радикальной либерализации рынков капитала, нанесла мощнейший удар по странам, ранее сделавшим ставку на финансовое посредничество. И тут обнаружилось, что национальные интересы мировых лидеров никуда не исчезли, они просто оставались в тени, пока им ничего не

² Реальный сектор экономики не следует отождествлять со сферой материального производства. К этому сектору относятся все виды деятельности, входящие в технологические цепочки, ведущие в конечном счете к удовлетворению естественных потребностей людей.

угрожало. В результате кризиса нарушился баланс национально-государственных интересов, что было связано с быстрым возвышением Китая, изменением общего соотношения сил на мировой экономической арене, повышением интереса к позиции России относительно необходимости перехода к многополярному миру, а также притягательности таких организаций, как БРИКС. Все это способствовало возвращению геополитики на первый план в мировых делах. В период пандемии эта тенденция лишь усилилась.

Мировая экономика вступила в зону институционального кризиса. Недавние лидеры неолиберальной глобализации активно занялись перестройкой структуры собственных экономик, что отчетливо проявилось в тенденции к возврату производств, ранее перенесенных в развивающиеся страны. Еще недавно казавшиеся незыблемыми стандарты рациональной макроэкономической политики стали попросту игнорироваться развитыми государствами с целью противодействия рецессии из-за пандемии и сохранения социальной стабильности в национальных границах. В арсенал их действий вошли такие «нетрадиционные» меры ограничения свободы транснациональных сделок, как применение санкций против своих геополитических конкурентов. Все это дает основания полагать, что мы являемся свидетелями по меньшей мере значительного замедления глобализации³, а вероятнее всего — прихода ей на смену процесса фрагментации, который будет сопровождаться существенной институциональной перестройкой экономических отношений в различных макрорегионах мировой экономики.

Россия по известным причинам оказалась в центре геополитических разломов современного мира. Беспрецедентные санкции, обрушившиеся на нее после начала специальной операции на Украине, вполне укладываются в общую логику «деглобализационного процесса» — вытеснения конкурентных

³ Эта позиция получила весьма широкое распространение, отражением чего стало появление термина Slobalization (slower globalization — более медленная глобализация).

отношений классических рыночных экономических агентов (фирм и потребителей) отношениями противоборства национальных государств и их коалиций. В этой «игровой ситуации», главными действующими лицами которой прямо или косвенно являются крупнейшие государства, России предстоит найти адекватные ответы на брошенные вызовы.

В связи с санкционной войной российской экономике приходится иметь дело с тремя основными видами шоков. Состоявшиеся и потенциальные ограничения на российский экспорт являются (либо могут стать) источником «шоков со стороны спроса». Запреты на поставку российским фирмам различных видов продукции, а также естественно возникающие или искусственно воздвигаемые логистические барьеры, затрудняющие доставку импортных товаров, порождают так называемые шоки «со стороны предложения». Наконец, сокращение возможностей или даже полное блокирование расчетов с использованием валют недружественных стран относится к категории «финансовых шоков». Каналы воздействия и последствия этих ударов по экономике различны, что приходится учитывать при выработке мер экономической политики.

Шоки, сопровождающие сокращение внешнего спроса, создают проблемы с реализацией ориентированной на экспорт продукции; они чреваты остановкой производств и ростом безработицы. Шоки, дезорганизирующие производственный процесс, могут приводить к такому крайне неприятному явлению, как стагфляция — сокращению выпуска и повышению инфляции одновременно. Ограничения на применение в международных расчетах резервных валют серьезно затрудняют осуществление внешнеэкономических связей и тем самым провоцируют целый комплекс серьезных проблем для экономики, глубоко интегрированной в мировое хозяйство. Наконец, такие выходящие за рамки цивилизованных отношений меры, как замораживание суверенных резервов, средств юридических и физических лиц, попавших под санкции, напрямую сокращают ресурсы российской экономики. Все это в комплексе создает угрозу хаоса в производственной и финансовой

деятельности, неконтролируемого спада производства, крупномасштабной безработицы, подрыва социально-политической стабильности российского общества.

Характер возникающих проблем однозначно свидетельствует о том, что нашей экономике предстоит пройти через период масштабной реструктуризации, связанной с необходимостью ее модернизации при существенном изменении характера включения в систему мирохозяйственных связей. Понятно, что такая реструктуризация в условиях дефицита времени — нетривиальная задача.

Анализ показывает, что в сложившихся условиях наличие базовых ресурсов (сельскохозяйственных угодий, природных ископаемых) для производственной деятельности и удовлетворения основных потребительских нужд является отнюдь не обузой, порождающей «наркотическую зависимость» от доходов, связанных с их эксплуатацией (так называемая голландская болезнь), а важнейшим условием успешного ответа на вызовы, с которыми столкнулась Россия. Именно это национальное достояние гарантирует возможность при всех условиях поддерживать достойный уровень потребления населения и не допускать неприемлемого снижения производственной активности. При этом ключевой становится задача определения оптимального механизма финансирования насущных структурных изменений. Дело в том, что эти изменения требуют значительных инвестиций и при их реализации займут немало времени.

Попытка обеспечить структурную перестройку исключительно на основе рыночной самонастройки в рамках взаимодействия частных фирм неизбежно сопровождалась бы неприемлемым уровнем безработицы в кратко- и среднесрочном периоде. Определенную роль в смягчении этой проблемы может сыграть малый бизнес, поэтому усилия, направленные на создание максимально благоприятных условий для его деятельности, являются абсолютно оправданными. Вместе с тем эта роль не может не быть ограниченной. Без активного участия государства процесс структурной

перестройки неизбежно будет очень длительным и болезненным. В его распоряжении имеется инструментарий активной промышленной политики, позволяющей сформировать общий дизайн необходимых структурных изменений и добиться его реализации. Именно государство может обеспечить достаточно оперативное перемещение части доходов ресурсных отраслей экономики на финансирование секторов, нуждающихся в инвестициях и испытывающих дефицит текущего спроса.

В некотором смысле данная проблема аналогична той, которая стояла перед Советским государством в годы индустриализации. В принципиальном отношении возможно несколько подходов к ее решению.

Первый состоит в прямом изъятии средств из отраслей-доноров посредством жесточайшего налогового прессинга. Недостатки такого современного варианта «продразверстки» очевидны: она подавляет всякие стимулы к эффективной работе ресурсного сектора и приводит к социально-политической напряженности.

Второй подход связан с инфляционным финансированием структурной перестройки. Связанные с ним риски тем более велики, что и без того в российской экономике из-за обрушившегося на нее шока со стороны предложения проблема инфляции в среднесрочной перспективе будет стоять весьма остро.

Наконец, третий подход заключается в максимальном использовании финансовых возможностей самого государства. Эти возможности состоят в накопленных средствах фонда национального благосостояния, принадлежащих государству факторных доходах (прибыль от государственных активов, рентные платежи за принадлежащие государству природные ресурсы), а также в заемных средствах. Понятно, что активное использование инструмента заимствований приведет к тому, что страна будет довольно длительное время жить в условиях растущего государственного долга. С учетом того, что сегодня этот долг находится на низком уровне, и того, что за счет привлеченных кредитов должны быть созданы эффективные производства, доходы которых

станут источником его погашения в будущем, особой опасности в таком развитии событий нет.

Структурный шок, с которым столкнулась российская экономика, предъявляет особые требования к денежно-кредитной политике. Первые меры, принятые денежными властями, можно признать эффективными. Быстрое (уже 28 февраля 2022 г.) и резкое повышение ключевой процентной ставки до 20 % позволило сбить ажиотаж на валютном рынке⁴, вернуть вкладчиков в банки, в значительной степени подавить всплеск «моментной инфляции»⁵. Поддержки заслуживает и оперативная реакция Центрального банка на стабилизацию ситуации на рынках товаров и финансовых активов: снижение ключевой процентной ставки вначале до 17 (с 11 апреля 2022 г.), а затем до 14 % (с 5 мая 2022 г.). Однако намерение в 2023 году вернуться к четырехпроцентной годовой инфляции вызывает вопросы. Сомнения касаются не возможности добиться такого результата, а целесообразности самой этой установки в нынешних условиях.

Шок со стороны предложения и вызванные им серьезные структурные изменения в российской экономике носят долговременный характер, явно не укладывающийся в перспективу полутора-двух лет. Преждевременная попытка подавить инфляцию в этих условиях чревата серьезными проблемами в производственной сфере — ухудшением финансового положения предприятий и погружения экономики в длительную стагнацию. Поэтому задача на обозримый период должна заключаться не в том, чтобы как можно скорее вернуться к четырехпроцентному уровню годовой инфляции, а в том, чтобы

⁴ Курс рубля к доллару США 23 февраля 2022 года составлял 80,42, 11 марта — 120,38, 13 апреля — 79,63 руб./долл. См.: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics.

⁵ Темпы месячной инфляции (в процентах к предыдущему месяцу) в первом квартале 2022 года быстро нарастали: январь — 0,99, февраль — 1,17, март — 7,61 %; в годовом исчислении эти показатели составляют: январь — 12,5, февраль — 15,0, март — 141,1, апрель — 44,0 % (см.: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_potreb_cen_03.html). В апреле инфляция начала быстро снижаться. Ее среднесуточный уровень в первой половине месяца был уже в два раза меньше, чем в марте — 0,1 против 0,237 % (см.: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/60_13-04-2022.htm).

обеспечить наиболее благоприятные условия для структурной перестройки экономики.

С точки зрения заинтересованности экономических агентов в инвестировании, столь важной для решения этой задачи, ключевое значение имеет не уровень инфляции, а ее предсказуемость для экономических агентов и реальная процентная ставка. При этом низкая (или даже отрицательная) ставка сама по себе не означает благоприятных условий для инвестирования: ведь предпринимателям приходится считаться с тем, что в случае существенного снижения инфляции ситуация может быстро и кардинальным образом измениться. Данное соображение тем более важно, что в нормальных условиях отчетливо проявляется зависимость между уровнем инфляции и его изменчивостью.

Стандартный подход к решению этой проблемы состоит в том, чтобы последовательно вести дело к сокращению инфляции и одновременно осуществлять комплекс мер, призванных убедить экономических агентов в том, что антиинфляционная политика будет твердо проводиться, несмотря на текущие издержки, лежащие на стороне производства. Предполагается, что это наиболее надежный путь формирования благоприятного инвестиционного климата, и, похоже, именно к его реализации, пусть и не в самом жестком варианте, склоняется Центральный банк России.

Между тем в условиях сложной конфигурации шоков, с которыми столкнулась российская экономика, текущие издержки могут оказаться слишком большими. Поэтому самого серьезного внимания заслуживает иной вариант действий, в свое время успешно опробованный рядом стран, в которых годовой уровень инфляции превышал 30–40 %. Речь идет о внедрении системы индексации всех срочных контрактов, предполагающей автоматическую корректировку обязательств экономических агентов с учетом индекса цен, регулярно фиксируемого уполномоченным государственным органом. Конечно, воплощение в жизнь этой идеи требует немалых усилий и времени: ведь помимо прочего в этом случае фирмам предстоит перейти на

адаптированную к инфляции систему бухгалтерского учета, а государству — внести изменения в налоговое законодательство. Кроме того, индексация не может быть совершенной, поскольку она будет происходить не непрерывно, а через определенные промежутки времени⁶. Но на фоне долгосрочного характера структурного шока, обрушившегося на нашу экономику, эти издержки могут оказаться приемлемыми с учетом тех выгод, которые дает субъектам хозяйственной деятельности кардинальное уменьшение влияния неопределенности ценовой динамики на принимаемые ими решения.

Еще один вызов, с которым столкнулись денежные власти, связан с тем, что недружественными государствами приняты ограничительные меры к российским банкам и экономическим агентам, затрудняющие для них пользование в международных расчетах резервными валютами. Но такая возможность не была исключена полностью. В результате возникла весьма специфичная ситуация. С одной стороны, сохраняется «бутылочное горлышко», через которое могут проходить расчеты в резервных валютах со стороны не попавших под санкции фирм через не попавшие под санкции российские банки за некоторые виды импортируемых товаров. С другой стороны, нельзя не считаться с тем, что недружественные государства в состоянии в любой момент сузить или даже вообще перекрыть платежи в резервных валютах.

Реакция российской стороны была абсолютно адекватной. Приняты решения, позволяющие российским фирмам погашать внешнюю задолженность рублями в случае необходимости, на рубли были переведены расчеты за поставляемый на внешние рынки газ. Большое, хотя во многом и вынужденное значение имеют ограничения по капитальным статьям платежного баланса, в частности решение о необходимости продажи экспортерами 80 % экспортной выручки на валютном рынке.

⁶ О возможностях и ограничениях адаптации к инфляции при помощи индексации номинальных контрактов известно давно (см., например: *Begg D., Fisher S., Dornbusch R. Economics. 3rd ed. McGraw Hill Book Company, 1991. P. 520–521*), однако с утверждением идеологии Вашингтонского консенсуса они фактически были преданы забвению.

Резко упавшая привлекательность доллара и евро для российских экономических агентов стала причиной беспрецедентно быстрого снижения их курса к рублю. Более того, эскалация антироссийских санкций в финансовой сфере теоретически может привести к полной ликвидации обращения валют недружественных государств на российском валютном рынке. В этом случае взаимная торговля сможет осуществляться либо с использованием рубля (а также таких валют, как китайские юани и индийские рупии), либо на основе внедрения клиринговых систем расчетов, либо посредством бартерных сделок.

В целом сложившаяся в валютной сфере ситуация носит явно выраженный игровой характер. Западным странам в стремлении нанести ущерб российской экономике приходится учитывать опасность резкого сокращения или даже прекращения поставок из России жизненно важных для них товаров, а также ставшую вполне реальной перспективу подрыва резервного статуса своих валют. Российская сторона избегает полного отказа от использования валют недружественных государств и не выдвигает требования перейти в расчетах с ними исключительно на рубли, поскольку не заинтересована в дополнительном сокращении взаимной торговли⁷.

⁷ В то же время необходимо принимать во внимание опасность новых актов «замораживания» сумм в резервных валютах, оказавшихся у российских фирм и банков. В этом отношении озабоченность вызывает значительный уровень актива по текущим статьям платежного баланса, зарегистрированный в первом квартале 2022 года, — 58,2 млрд долларов; за весь 2021 год этот показатель составил 122 млрд долларов (см.: <https://www.cbr.ru/statistics>).